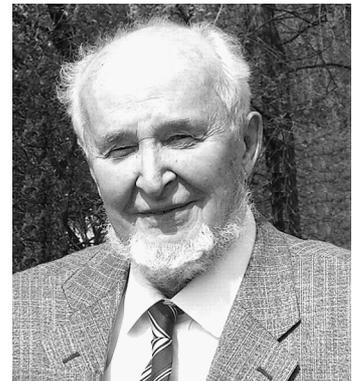

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке. Художник А.М. Васнецов. 1916.

УДК 94(41/99): 2-9:304:37

Чельшев Е.П.

У истоков отечественного Просвещения. Часть 1. Предшественники преобразовательной программы Петра I

Чельшев Евгений Петрович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, член бюро Индийского философского общества, член Азиатского общества (Калькутта).

В статье дан краткий обзор религиозно-интеллектуальной и международно-политической жизни России XVI – начала XVII вв. как основы формировавшейся новой гуманитарной парадигмы. Представлен авторский взгляд на сложившиеся в допетровскую эпоху взаимоотношения власти и православной церкви как на определившие специфику заимствования западноевропейских институтов в образовательной сфере и в целом отечественного Просвещения.

Ключевые слова: контакты России со странами Западной Европы, книгопечатание, школы, православие, религиозная жизнь России XVI–XVII вв., Иван Грозный, Алексей Михайлович, патриарх Никон.

Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге была учреждена Петром Великим в 1724 г. Но ростки отечественной науки, прежде всего ее гуманитарного направления, дали всходы в России значительно раньше XVIII в. Плодотворной почвой для них явилось укрепление основ русской православной церкви, создание идеологии великорусского государства, конфликты и контакты с Западом. «Объединение земель, – писал В. Скрытников, – превратило Россию в могущественную военную державу... Внешнеполитические успехи России были впечатляющими. Ее дипломатические связи расширялись... Европейские страны стремились заручиться союзом с Русским государством для отпора турецкому вторжению на Балканы... "Вели-

кий" князь Московии не желал ронять свое достоинство в сношениях с "великим" магистром Ордена или "великими" немецкими князьями»¹. Опорой авторитета «великого князя Московии» стало утверждение божественности его власти и отношение к православию как к самой совершенной религии.

В.О. Ключевский отмечает, что «до XV в. русская церковь была послушной дочерью Византии, своей митрополи. Оттуда она принимала своих митрополитов и епископов, церковные законы, весь чин церковной жизни». Затем с укреплением Русского государства «Великие князья московские, почувствовав свое национальное значение, поспешили внести эти чувства и в церковные отношения, не хотели и в церковных делах зависеть от посторонней власти ни от императора, ни от патриарха царьградского... А потом греческая иерархия в XV в. страшно уронила себя в глазах Руси, приняв Флорентийскую унию 1439 г., согласившись на союз православной церкви с католической... Несколько лет спустя Царьград был завоеван турками... в падении царьградских стен перед безбожными агарянами увидели на Руси знак окончательного падения греческого православия»². «Политическая катастрофа, – писал Б.А. Успенский, – воспринимается русскими как следствие повреждения веры, в силу чего русские отказываются от подчинения константинопольскому патриарху и срочным порядком образуют свою автокефальную церковь во главе с митрополитом»³.

В этих обстоятельствах, справедливо замечает В. Скрытников, мысль о «превосходстве русского православия над греческим обрела после падения Византийской империи многих союзников в России. В 1514–1521 гг. монах псковского Елиазарова монастыря Филофей обратился к Василию III с важным посланием. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый – Константинополь, а за последнее время на их место стал третий Рим – Москва... "Великий Рим" сохранил свое физическое бытие, но утерял духовную сущность, будучи пленен католичеством. Оплотом правления стало греческое царство, но оно попало под власть "неверных". Крушение двух царств расчистило место для Московского православного царства»⁴.

Отечественные исследователи всемирной роли Москвы отмечают, что эта идея в то время имела «скорее сакральный, чем имперский смысл». Мысль Филофея не приобрела тогда еще на Руси статуса официальной доктрины. Тем не менее, она способствовала пробуждению национального самосознания народа, утверждению идеологических основ Русского государства, укреплению его единства, утверждению мысли о Русской земле как об общем отечестве.

Греки, близкие к великокняжескому двору, нападки на византийскую церковь встретили с понятным возмущением. Мать Василия III воспитывалась в Италии. Сам Василий, «не чуждый духу греко-итальянской культуры», покровительствовал Максиму Греку и «поощрял его деятельность по исправлению русских книг»⁵. Образованный богослов, специально приглашенный из Афона, возглавил начатую московскими книжниками работу по исправлению и переводу богослужебных книг. В его лице «образованная Россия впервые встретила с ученым-энциклопедистом, получившим глубокие и многосторонние познания в итальянских университетах. Принципы филологической науки Возрождения, которыми руководствовался Максим в своих переводах, были самыми передовыми для своего времени»⁶. Максим Грек был первым на Руси ученым-гуманитарием, способствовавшим ознакомлению россиян с западной культурой. Сосредоточив свои усилия на научной и просветительской деятельности, он не позволял втянуть себя в распри, терзавшие в то время русскую православную церковь.

Максим Грек (ок. 1470–1556). Рисунок из рукописного собрания его сочинений. Конец XVI в.

Образованные московские монахи поначалу сочувственно отнеслись к деятельности Максима Грека, которому покровительствовал сам великий князь. Однако решительная поддержка московским князем зависимости русской православной церкви от царьградского патриарха, опровержение им идеи «поругания» греческого православия под властью турок вызвала резко отрицательное отношение к нему русских православных ортодоксов. Среди богословов начались острые дискуссии.

Противоречивость времени нашла отражение в двойственной и переменчивой позиции высших светских и церковных властей, неустойчивом равновесии западнических (обновленческих) и почвеннических (фундаменталистских) тенденций, постоянных колебаний представителей каждого из этих направлений, их борьбе за преобладание в политической и религиозной жизни России.

«Споры о "чистоте" и "изрушении" греческой веры побуждали ученых греков все резче отзываться о "заблуждениях" москвитов и ошибках в их богослужебных книгах. В свою очередь московские монахи, отстаивая ортодоксальность старых русских книг и обрядов, стали обвинять греков в ереси»⁷. Теперь сторонники незыблемости православия и независимости московской церкви от Константинополя, получили поддержку от великого князя, не желавшего портить отношения с московскими церковниками. Против Максима Грека и его сторонников был организован церковный суд, инициаторы которого «стремились очернить ученого переводчика как лазутчика

¹ Скрытников В. Третий Рим. М., 1994. С. 53, 54.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Ч. III. С. 273–274.

³ Успенский Б.Л. Восприятие истории в древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 476.

⁴ Скрытников В. Указ. соч. С. 54.

⁵ Там же. С. 77–78.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 78.

и колдуна с единственной целью – опорочить его переводы, подрывающие старую веру»¹. Суд вынес строгий приговор. Сторонники Максима Грека были осуждены и строго наказаны за крамолу и ересь.

В расхождении взглядов Максима Грека и его противников русский богослов Г. Флоровский заметил разные оценки исторических судеб и будущего России. Противники М. Грека считали, что будущее России великолепно раз и навсегда, Максим же видел Русь в образе «страждущей вдовы, которой судьба уготовила тернистый путь». Отвергая представление о Москве как о Третьем Риме, столице великого нового христианского царства, М. Грек считал Россию «Градом в странствии». Суд над Максимом Греком и образованными монахами-«нестяжателями» неизбежно вел Россию к религиозной и культурной изоляции и подготовлял почву для раскола русской церкви в XVII в.²

Несмотря на сочувствие к Максиму Греку и его деятельности, Василий III не пытался помочь ему, защитить от наветов. Он «не сделал никаких усилий» к тому, чтобы расширить и упрочить возникшие связи с Италией и другими западными странами. Великий князь не помышлял о европеизации русского общества, а это значит, «что дух Возрождения остался чужд ему»³.

«В конце XV в. казалось, что Россия, потеряв духовного пастыря в лице Византии, готова искать пути сближения с западно-христианским миром». Однако ориентация на старину, на исконно русские нравы и обычаи оказалась в то время сильнее, что, по мысли Г. Флоровского, имело «роковое значение для Руси: в решающий момент русского национального самоопределения византийская традиция прервалась, византийское наследие было оставлено и полузабыто; в этом отречении "от греков" – завязка и существо московского кризиса культуры... Торжество официальной церкви и самодержавных начал, утверждение идеи исключительности Москвы – "третьего Рима", последней мировой истинно христианской империи способствовали изоляции России в то время, как она остро нуждалась в развитии культурных и прочих связей со странами Западной Европы»⁴.

Однако никто не в силах был остановить начавшийся процесс укрепления связей России с внешним миром. В конце XV в. Россия значительно расширила свои контакты со странами Западной Европы, и в первую очередь с Италией. В Москве в большом числе появились итальянские зодчие, инженеры, врачи, ювелиры и прочие мастера. Им суждено было оставить глубокий след в истории русской культуры, в особенности в сфере зодчества⁵.

Иван Грозный придавал большое значение развитию торговых связей с Западной Европой через Белое и Балтийское моря. Его внешняя политика, завоевательные войны заложили основы «Московского царства» и будущей Российской империи, основанной на авторитарном режиме и укреплении централизованной власти, которые не могли не оказать влияния на политическую культуру и национальные традиции. Иван IV был первый из московских государей, кто «узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника божия»⁶. Великий государь «стоял в центре всех церковных церемоний» и пользовался «высшим авторитетом в религиозных делах»⁷.

Царь проводил политику создания сильного централизованного государства, преодолевая центробежные устремления во всех сферах и прежде всего в церковной жизни, которая в период раздробленности в разных концах Руси утратила единообразие. Повсюду появлялись свои святые и связанная с ними житийная литература, возникали черты своеобразия в религиозных обрядах. Иван IV и его приближенные предпринимают решительные шаги, ведущие к объединению страны на религиозной основе. Один из ближайших его сподвижников митрополит Макарий (1542–1563), объединив усилия книжников, переводчиков и писцов, будучи еще новгородским архиепископом, задумал собрать «все книги чтomyя, которыя в русской земле обретаются». Его замысел осуществился в виде громадного сборника, так называемого «Великих Миней Четвиых». По его инициативе и при его участии была произведена канонизация всех святых русской земли и в 1551 г. в Москве был созван собор «для очищения нашей церкви по возможности от всех ее недостатков и пороков и для полного ее обновления»⁸.

В Москву съехалось духовенство со всех концов России. Иван Грозный обратился к высокому собранию со ста вопросами, содержавшими указания на церковные неполадки. Участники собора представили ответы на царские вопросы в ста главах, поэтому и собор получил наименование «Стоглавого». В своих ответах о церковной обрядности московское духовенство игнорировало греческие уставы и практику греческой церкви. «Постановления Стоглавого собора доказывали, что Русь все больше отходила от византийского наследия... Местная русская старина энергично вытесняла греческие предания. Стоглавый собор без обсуждения принял

Фрагмент Тихвинской иконы Благовещенского Собора Московского Кремля: на иконе Святой Макарий, Иоанн IV Грозный и его отец великий князь Василий III.

¹ Там же. С. 80.

² Там же. С. 81.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Ключевский В. Указ. соч. Ч. II. С. 184.

⁷ Скрытников В.Г. Указ. соч. С. 129.

⁸ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. I. С. 424.

постановление о двоеперстном знамении, видимо, вследствие вмешательства светских властей. Превращение России в Святорусское царство усилило зависимость церкви от государства. Поведение самодержавца и его ближайшего окружения само по себе стало эталоном религиозного благочестия. Никакие преступления и грехи не могли поколебать репутацию Грозного как великого и благочестивейшего государя»¹.

Приход при Иване IV на митрополию Макария способствовал оживлению церковной мысли. Освобождается после двадцатилетнего заточения Максим Грек, ставший яростным обличителем монастырских стяжателей и лихоимцев, обостряется полемика между нестяжателями и осифлянами. Но у сторонников реформ не было тогда еще достаточно сил и веса в обществе. Победа нестяжателей «обеспечила бы более свободное развитие русской мысли». Однако верх одержали осифляне, организовавшие суд над московскими вольнодумцами Матвеем Башкиным и знатными дворянами Борисовыми. Поборник Евангелия Башкин отстаивал идеи любви к ближнему и равенство людей. Подобно Максиму Греку, Башкин заявлял о недопустимости рабства (холопства). Он освободил своих холопов и призывал других сделать то же. На суде Башкина и Борисовых обвинили в том, что они «развратно» толковали Евангелие, «хулили Христа». Максим Грек отказался участвовать в суде против Башкина. Не выдержав пыток, учиненных над ним осифлянами, Башкин признал себя виновным и сказал, что принял «злое учение» из Литвы. Репрессии против московских еретиков, которых осифляне по невежеству причисляли к «латинникам» (католикам) приняли широкие масштабы. Андрей Курбский называл русских вольнодумцев «лютеранами». Взгляды Башкина и Борисовых доходили до Москвы «как эхо бурной эпохи реформации, бушевавшей в Европе... Процесс Башкина воздвиг барьер на пути западных культурных влияний, шедших на смену византийской традиции»².

В то же время реформы XVI в. привели к расцвету общественной мысли. Иван Пересветов и Ермолай Еразм, князь Андрей Курбский утверждали необходимость распространения в России западного просвещения при сохранении ее национальной самобытности. Польская реформация «не поколебала религиозных убеждений Курбского, но неизмеримо раздвинула его умственный горизонт. Наблюдая за тем, как протестантские идеи и католическая пропаганда теснят православие на Украине и в Белоруссии, Курбский убедился в том, что православным, чтобы отстоять свою веру, необходим более высокий уровень образованности». Он упрекал царя, что тот «затворил» Русь «как бы во адове твердыни»³.

Вопреки своему оппоненту Иван Грозный считал Русь последним оплотом истинной веры во вселенной и с недоверием относился к шедшим с запада идеям, основанным на латинской премудрости. Однако, несмотря на ожесточенное сопротивление ревнителей старины, новые веяния все больше распространялись, чему не мог, а, возможно, и не желал противодействовать царь. Любопытно, что именно благодаря инициативе Ивана IV в Москве была открыта первая типография, началось издание книг. Это сначала также вызвало отрицательную реакцию консервативно настроенного духовенства, не принимавшего европейские новинки «изготовленные руками еретиков». Конечно, процесс над Башкиным задержал развитие печатного дела. Но Иван IV, тем не менее, проявлял «неустанный интерес к западным новшествам в разных областях культуры и военной техники». Первопечатник Иван Федоров подтверждал, что лишь благодаря покровительству царя смог открыть свою типографию. Первый печатный станок в Москву был доставлен из Константинополя.

Несмотря на все сложности Смутного времени, печатанье книг в России продолжалось. В 1611 г. при поляках Печатный двор в Москве был сожжен, но в первый же год воцарения Михаила Федоровича (в 1613 г.) он был восстановлен. Были вновь предприняты попытки при печатании богословских текстов сравнивать их с греческими оригиналами на этот раз в Троице-Сергиевой Лавре. Старец Арсений Глухой «из московской атмосферы вынес правильное впечатление, что она всеми инстинктами противится публичному утверждению негодности наших текстов и превосходства чужого оригинала. Это был дух чрезмерной ксенофобии, царивший в столице и в правящих верхах, как естественная реакция на едва преодоленное кощунственное оскорбление всех русских чувств чужестранными латино-польскими издевательствами»⁴. История повторилась. По инициативе амбициозного митрополита Ионы в 1618 г. был созван собор не для принятия результатов работы над текстами Библии, выполненной Арсением и его единомышленниками, а для суда над ними как над еретиками. Все они были сурово наказаны.

Лишь после освобождения из восьмилетнего польского плена и наречения в патриархи Филарета (1619–1634), отца царя Михаила, «клеветники, включая и митрополита Иону, были посрамлены»⁵, Арсений Глухой был утвержден в звании главного справщика и много потрудился при выпуске новых книг из царской типографии. Временно после пожара работавшая в Кремле типография была перенесена на старое место на «Никольском Крестце», и в ней уже было 70 печатных станков; в качестве справщиков при ней состояли по тогдашнему времени высокограмотные люди, при которых появился штат чтецов и писцов. Работали они на совесть, по документам. Пособием служила богатая коллекция пергаментных и бумажных по возможности самых древних рукописей. Собраны были они по особому указу царя и патриарха. Так образовалось начало знаменитой в науке нашего времени так называемой «Типографской библиотеки» рукописей в Москве. Оказалось, что в Московской типографии при патриархе Филарете «вышло печатных изданий книг больше, чем за все время русского книгопечатания» от его начала при Грозном.

В то время, отмечает А.В. Карташев, «вероятно, инструкция сверху, от патриарха Филарета удерживала от последовательного греческого критерия»⁶. Больше того, испугавшись бесконтрольности и инициативы справщиков, зачастую прибегавших к помощи греческих и латинских источников, в 1627 г. патриарх Филарет установил особо строгую цензуру, а на следующий год в Москве всенародно были сожжены книги литовской печа-

¹ Скрытников В. Указ. соч. С. 130.

² Там же. С. 131.

³ Карташев А.В. Указ. соч. Т. II. С. 88–89.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 100.

ти. «Тут вскрывается уже основная предпосылка приближающегося старообрядческого раскола: примат своего московского фактического текста и отвержение авторитета греческого»¹. Таким образом, «искупительные милости» за неправомерно причиненные страдания «вольнотумцам» ничуть не свидетельствовали о широте взглядов патриарха Филарета. «Психически и умственно он был на уровне московских консерваторов... Вся его богословская логика свидетельствует о страшном понижении уровня знаний у тогдашней русской иерархии и особенно у самого Филарета от страстного озлобления на латино-поляков»².

От случая к случаю после Смуты довольно ярко вскрывалась перед «руководителями Руси» «недостаточность ее просветительных средств и необходимость перевооружиться не только политически, военно, социально-экономически, но и культурно, духовно, школьно... самые избранные и умные начетники Москвы не в силах были разобраться в выдвинутых временах и неизбежных вопросах. Как не еретичен был Запад, как ни латинизована была соседняя Литовская Русь, но сила Запада и Литвы была в просвещении, основанном на систематической школе. И так, перед умами церковных людей вырос незаметно вопрос об утверждении на Руси школы»³.

Вопрос этот ставился еще при Иване Грозном, основавшем в 1560 г. в Москве типографию и при ней школу по латинскому образцу, которая пришлось не по вкусу ревнителям старины, и из-за их жесткой оппозиции Ивану Федорову и Петру Мстиславцу пришлось бежать в Литву. Вновь был поднят вопрос о школе греками при учреждении в Москве патриаршества. Продолжали этот разговор и на Западе, в частности Сигизмунд III предлагал царю Борису учредить в Москве латинское училище для обучения в нем польской молодежи, проживавшей в Москве. Последний замыслил открыть в Москве для русских, кроме низших и средних школ, университет, пригласив в него преподавателей из Германии, Франции, Испании, Англии. Однако бояре и духовенство решительно выступили против этой идеи. По инициативе царя Бориса группа боярских детей была отправлена на учебу в Европу, однако из 18 юношей лишь один вернулся в Россию. Вопрос об университете в Москве поднимал и Лжедмитрий. Попытки учредить в Москве образовательные учреждения по западному образцу предпринимались и при патриархе Филарете.

Последней попыткой оградить Русь от западного влияния и закрепить в обществе старые обряды и церковные догмы были предприняты при патриархе Иосифе (1642–1652), вознесенном «на высоту идеала нашими старообрядцами. Для них это – последний перед Никоном истинно-православный патриарх древней святой Руси. Это потому, что в напечатанных при нем богослужебных книгах широко закреплены и старые, грамматически некорректные русские рукописные тексты, и еще важнее – наши старые обряды: двуперстие, седмипросфорие, хождение посолонь, сугубая аллилуйя, начертание Иисус Х. и т.д.»

Противники старообрядчества пытались представить патриарха Иосифа как ретрограда. Ссылаясь на исследования проф. Н.Ф. Каптерева, проведенные в 1887 г., А.В. Карташев отмечает, что патриарх Иосиф, «не слабый и бездеятельный человек, мимо которого шли события, но просвещенный и активный». Ведь при нем осуществлялось издание книг, устройство школ, упорядочение обрядов, исправление нравов духовенства. Во всем этом он был предтечей Никона. Последнему пришлось только продолжать Иосифа. Надо признать это преувеличением. Иосиф «не постеснялся за напряженным темпом столично-церковных и придворных интересов. Инициатива других во всем опережала его, тревожила его самолюбие и усиливала мнительность. В этом не может быть никакого сравнения медлительностью отстающего Иосифа с бурно несущимся вперед Никоном»⁴.

В 1645 г. скончался Михаил Федорович, при котором после Смутного времени «был взят курс на всеобщее примирение, чтобы быстрее поднять страну из руин и вернуть исконные русские земли»⁵. Война с Польшей, однако, окончилась неудачей. Она удержала Смоленск и захваченные ранее земли. Сам царь, отличавшийся мягкостью, созерцательностью и пассивностью характера, принимал небольшое участие в восстановлении государства из «великой разрухи»⁶.

После смерти первого царя из династии Романовых на престол вступил его сын Алексей Михайлович. Как и отец, он стал царем России в 16-летнем возрасте. Однако если при Михаиле Федоровиче дела вершила сначала его мать, затем отец-патриарх и деятели, окружавшие престол, то при воцарении на российском престоле царя Алексея Михайловича «произошло, так сказать, омоложение и его окружения с новыми идеями и новой энергией»⁷. По словам В.О. Ключевского, при царе Алексее Михайловиче были люди, ставшие «во главе преобразовательного движения, которым и подготовлялось дело Петра. В их идеях и в задачах, ими поставленных, всего явственнее обнаруживаются существенные результаты этой подготовки. То были идеи и задачи, которые прямо вошли в преобразовательную программу Петра, как завет его предшественников»⁸.

Патриарх Филарет (Романов). Из рукописи «Большая государева книга или Корень Российских Государей» (1672)

Патриарх Иосиф. С парсуны XVII в.

¹ Там же. С. 104.

² Там же. С. 96–97.

³ Там же. С. 106.

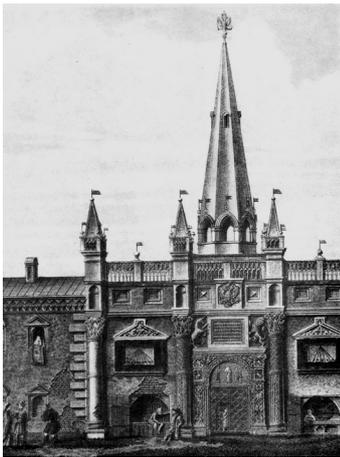
⁴ Там же. С. 114.

⁵ Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996. С. 403.

⁶ Там же. С. 404.

⁷ Карташев А.В. Указ. соч. Т. II. С. 114.

⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. III. С. 300–301.

Печатный двор в Москве. Гра-
виюра середины XVII в.

Митрополит Киевский и Га-
лицкий Петр Симеонович Мо-
гила. Гравюра. Первая треть
XIX в.

Царь Алексей Михайлович. Пар-
суна XVII в.

Окружали царя бояре и религиозные деятели-новаторы: князь Одоевский, Морозов, князь Львов. Духовник молодого царя, Благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев был вождем группы столичного духовенства, которое «шло рука об руку со стремлениями светской власти». Эти «энергичные и не-старые церковные деятели», отражая в своей сфере «реформистское вдохнове-ние своих государственных друзей, и общее успокоение страны после Смуты», помогая царю, решили «усилить духовный престиж Москвы, стягивая в нее из провинциальных городов всю красу и гордость тамошнего духовенства, осо-бенно речистых и популярных пастырей-проповедников». Продолжая традиции своего предшественника митрополита Макария, они намеревались «упорядо-чить весь обрядовый вопрос, исправить богослужебные книги, ввести в церквях всякое благочиние, учредить школы»¹. Прибыв из провинциальных монасты-рей, в Москве обосновались Авакум, Лазарь, Логгин, архимандрит Никон из Соловецкой обители. В ведение царя был взят перестроенный и снабженный «новым красивым шрифтом» Печатный двор, осуществивший такое крупное предприятие как «Уложение царя Алексея Михайловича», упорядочившее рус-ские законы; оно просуществовало до издания Свода законов Российской Им-перии в 1833 г. Со стороны патриарха Иосифа новые начинания встречали со-противление, поэтому «надо было в какой-то мере начать ослаблять воздвигну-тые церковью в годы патриарха Филарета защитные препятствия после Смут-ного времени к общению с иностранцами и иноверцами»².

Знаменитый деятель киевского православного просвещения митрополит Петр Могила в 1640 г. предложил царю Алексею открыть в Москве мона-стырь для ученых монахов и учредить при монастыре школу «для обучения грамоте греческой и славянской детей бояр и простого чину». Но предложе-ние это не было реализовано. Об открытии в Москве греческой типографии ходатайствовал Константинопольский патриарх Парфений, но и эту инициа-тиву постигла та же участь³.

Однако вскоре школьное дело двинулось, можно казать, «гигантскими шагами». Это произошло в связи с большим идеологическим оживлением», наступившим при царе Алексее⁴.

Оно пошло «мимо патриарха Иосифа», вопреки взглядам главы русской православной церкви. Царь Алексей «больше прислушивался к советам окру-жавших его новаторов», и решил, что нельзя рассчитывать на процветание Москвы, «отгородившись китайской стеной от внешнего мира». Он пришел к выводу, что «киевская ученость – не латинская, а восточная, греческая и пра-вославная, что пора ею вооружиться. Словом, страхи филаретовского антила-тинства были отложены в сторону. Царь решил приступить к пересадке киев-ской учености в Москву... Москва осознала, что мало читать, переписывать, печатать готовые книги, а что надо научиться и самим их писать, что надо организовать орудие книжности – школу».

Эта задача в тот момент нашла для себя ревнителя в лице боярина Федора Михайловича Ртищева. Он был не только «ближним боярином по родовито-сти своей, но был любимцем царя и, к счастью, довольно богатым, имущим человеком»⁵. Об этом ближайшем сподвижнике царя Алексея Михайловича, речь еще впереди, а сначала – о самом царе, так как, по мнению Ключевского, «первое место» между предшественниками Петра I «принадлежит, бесспорно, отцу преобразователя»⁶.

«Царь Алексей Михайлович (1629–1672), – по словам знаменитого рус-ского историка, – принял в преобразовательном движении позу, соответству-ющую такому взгляду на дело. Одной ногой он еще крепко упирался в род-ную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посма-тривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из до-машних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благо-честивой старины. Это было у нас единственное поколение, так думавшее: так не думали прежде и перестали думать потом. Люди прежних поколений

боялись брать у Запада даже материальные удобства, чтобы ими не повредить нравственного завета отцов и дедов, с которыми не хотели расставаться, как со святыней; после у нас стали охотно пренебрегать этим заве-

¹ Карташев А.В. Указ. соч. Т. II. С. 114–115.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 118–119.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. II. С. 301.

том, чтобы тем вкуснее были материальные удобства, заимствованные у Запада. Царь Алексей и его сверстники не менее предков дорожили своей православной стариной; но некоторое время они были уверены, что можно шеголять в немецком кафтане, даже смотреть на иноземную потеху, "комедийное действо", и при этом сохранять в неприкосновенности те чувства и понятия, какие необходимы, чтобы с набожным страхом помышлять о возможности нарушить пост в крещенский сочельник до звезды»¹.

Таким образом, в процессе становления русского национального самосознания традиционно негативное отношение к Западу начинает пересматриваться. Связанный с этим интересный факт, касающийся самого царя, приводит В.П. Гребенюк²: царь Алексей Михайлович не пропускал службы и крестных ходов с иконой Владимирской Богоматери, где поминался «безбожный христоненавидец» Темир Аксак. В то же время именно при дворе Алексея Михайловича была поставлена первая на Руси пьеса «Темир-Аксаково действо», где Тимур в соответствии с западной традицией был представлен защитником христиан от турецкого «гордого султана Баязда». Автор постановки несомненно знал повесть о Темире Аксаке, о чем свидетельствует само название пьесы. Однако она в отличие от повести, где Тимур был «злым гонителем» христиан, демонстрировала совсем другое, можно сказать, «прозападное», отношение к этой исторической личности.

В.О. Ключевский отмечал, что Алексей «воспитывался в иное время, у людей которого настойчиво стучалась в голову смутная потребность ступить дальше в таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой боязливо чураясь и крестясь, пробегал благочестивый русский грамотей прежних веков... В зрелые годы царь Алексей представлял в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине древнерусского человека с наклоном к полезным и приятным новшествам. Он был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твердо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство древней Руси... Эта набожность оказывала могущественное влияние и на государственные понятия, и на житейские отношения Алексея... сознание самодержавной власти в своих проявлениях смягчалось набожной кротостью, глубоким смирением царя, пытавшегося не забыть в себе человека... Это соединение власти и кротости помогало царю ладить с боярами, которым он при своем самодержавии уступал широкое участие в управлении; делиться с ними властью, действовать с ними об руку было для него привычкой и правилом, а не жертвой или досадной уступкой обстоятельствам... От природы живой, впечатлительный и подвижный, Алексей страдал вспыльчивостью, легко терял самообладание и давал излишний простор языку и рукам... Вспыльчивость царя чаще всего возбуждалась встречей с нравственным безобразием, особенно с поступками, в которых обнаруживались хвастовство и надменность... В 1660 г. князь Хованский был разбит в Литве и потерял почти всю свою двадцатитысячную армию. Царь спрашивал в думе бояр, что делать. Боярин И.Д. Милославский, тесть царя, не бывавший в походах, неожиданно заявил, что если государь пожалует его, даст ему начальство над войском, то он скоро приведет пленником самого короля польского. "Как ты смеешь, – закричал на него царь, – ты, стражник, худой человечиска, хвастаться своим искусством в деле ратном! Когда ты ходил с полками, какие победы показал над неприятелем?" Говоря это, царь вскочил, дал старику пощечину, надрал ему бороду и пинками вытолкнул его из палаты, с силой захлопнув за ним двери... Но прилив царственного гнева разбивался о мысль, никогда не покидавшую царя, что на земле никто не безгрешен перед богом, что на его суде все равны, и цари и подданные: в минуты сильнейшего раздражения Алексей ни в себе, ни в виноватом подданном старался не забыть человека... При доброте и мягкости характера это уважение к человеческому достоинству в подданном производило обаятельное действие на своих и чужих и заслужило Алексею прозвание "тишайшего царя". Иностранцы не могли надивиться тому, что этот царь при беспредельной власти своей над народом, привыкшим к полному рабству, не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь»³.

Вместе с тем он предпринимал решительные меры по укреплению царской власти, расширению границ государства Российского. По словам М.В. Ломоносова, «утишил начинавшийся бунт новгородский, отложившихся пскович принудил военною силою к сдаче и послушанию, казнив заводчиков»; начавшаяся в Москве смута «присутствием и словами государевыми укротилась»⁴.

И далее:

Сармат с свирепостью своею
Трофеи отдал Алексею.
Он суд и правду положил,
Он войско правильное вскоре,
Он новый флот готовил в море,
Но все то Бог Петру судил⁵.

«Прозванный "тишайшим", склонный к богословским диспутам, не чуждый литературной деятельности, – пишет О.В. Творогов, – царь этот в действительности был властным, решительным и жестоким. Он активно участвовал в управлении страной, целеустремленно добивался укрепления самодержавия. Столь же активно выступал Алексей Михайлович и в международных делах. Важнейшим достижением его политики было воссоединение Украины с Россией и возвращение ей отторгнутых ранее западных земель»⁶. Суждение это отнюдь

¹ Там же. С. 301.

² Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. См. также: Гребенюк В.П. «Повесть о Темире-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII–начало XVIII в.). М., 1971. С. 175–206.

³ Там же. С. 302–303

⁴ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием. (1759) // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 335–337.

⁵ Ломоносов М.В. Ода на рождение Его Императорского Высочества // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 564.

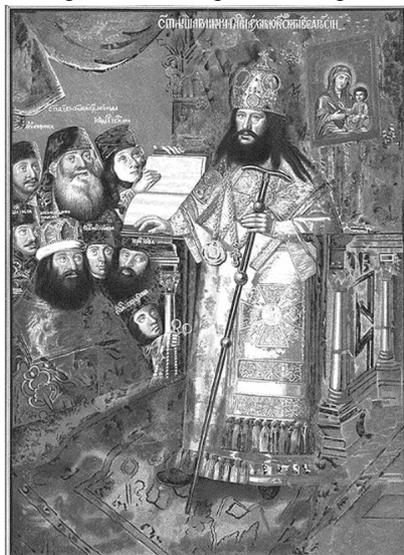
⁶ Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. СПб., 1994. С. 170.

не лишено оснований, так как именно эти черты характера Алексея Михайловича передались по наследству его сыну Петру Великому.

Ключевский же оттеняет иные черты Алексея Михайловича: «Алексей любил, чтобы вокруг него все были веселы и довольны, всего невыносимее была ему мысль, что кто-нибудь им недоволен, ропщет на него, что он кого-нибудь стесняет. Он первый начал ослаблять строгость заведенного при московском дворе чопорного этикета, делавшего столь тяжелыми и натянутыми придворные отношения... Умение входить в положение других, понимать и принимать к сердцу их горе и радость было одною из лучших черт в характере царя... Царь Алексей Михайлович был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека древней Руси, по крайней мере, не знаю другого древнерусского человека, который производил бы более приятное впечатление – но только не на престоле. Это был довольно пассивный характер... при нравственной чуткости царю Алексею не доставало нравственной энергии... Несмотря, однако, на свой пассивный характер, на свое добродушно-нерешительное отношение к вопросам времени, царь Алексей много помог успеху преобразовательного движения. Своими часто беспорядочными и непоследовательными порывами к новому и своим умением все сглаживать и улаживать он приручил пугливую русскую мысль к влияниям, шедшим с чужой стороны. Он не дал руководящих идей для реформы, но помог выступить первым реформаторам с их идеями, дал им возможность почувствовать себя свободно, проявить свои силы и открыл им довольно просторную дорогу для деятельности: не дал ни плана, ни направления преобразованиям, но создал преобразовательное настроение... Он был не прочь срывать цветки иноземной культуры, но не хотел марать рук в черной работе ее посева на русской почве»¹.

Алексей Михайлович был образованным человеком. Он много читал, писал, размышлял о прочитанном, принимал участие в диспутах, главным образом на богословские темы. Он «оставил огромное литературное наследство – обширные письма и послания, начал писать записки о польской войне, составил наставление о соколиной охоте. Он первый из царей стал лично подписывать важнейшие государственные акты»².

Эпоху допетровских преобразований нельзя понять, не отметив в ней и роли патриарха Никона (1605–1681). Он родился в деревне под Нижним Новгородом. В тех краях стал приходским священником, позднее постригся в монахи. Высокого роста, крепкого богатырского сложения, с колоритным лицом, выразительными глазами, зычным голосом, он привлекал богомольцев. Съезжавшиеся на ярмарку московские купцы рассказывали о знаменитом местном священнике Никите. Они зазвали его в Москву, где он прожил десять лет, а затем перебрался в Соловецкий монастырь, где постригся под именем Никона. Вместе со старцем Елиазаром он посетил Москву и был принят царем Михаилом, удостоившим его царской милостью. В 1643 г. Никон стал игуменом Новгородского монастыря. В 1648 г. по делам монастыря Никон прибыл в Москву. «Молодой царь Алексей при первой встрече возжелал иметь Никона на Москве. Никон его очаровал». Царь сделал его «архимандритом Ново-Спасского монастыря, который был родовым монастырем-усыпальницей Романовых. Никон стал как бы домашним царским священником»³. Он вошел в круг приближенных к царю церковных деятелей, и увлекся «программой московского церковного великодержавия, требовавшей срочных и чрезвычайных реформ в русской церкви».

Патриарх Никон со своим клиром.
Парсуна XVII в.

Ключевский писал: «Из русских людей XVII века я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона»⁴. Его шестилетнее патриаршество на Руси (1652–1658), по словам А.В. Карташева, «оказалось чреватым катастрофическими последствиями»⁵. Можно соглашаться или не соглашаться с таким категорическим утверждением, но нельзя не признать, что Никон был яркою, сильною личностью, оказавшей большое влияние на духовную и общественно-политическую жизнь России. Его усилиями утверждалась теократическая идеология «Москвы – III Рима» – под властью «единого вселенского православного царя всех христиан». В этом проявлялось стремление Алексея Михайловича и его ближайшего окружения сблизиться с греками и другими православными народами.

Алексей Михайлович верил, что наступают времена, когда Россия «приблизится к Босфору» и когда «III Рим возродится в самом Цареграде». Греки нередко поддерживали русских в этих мечтах, желая освободиться от ига ислама. Никон был в курсе этих идей. При своем поставлении в патриархи в 1652 г., он просит Бога, чтобы Он распростер московскую державу «от моря и до моря и от рек до конца вселенной». Это была, пишет А.В. Карташев, «одна из идей того передового кружка, в котором сформировалось мировоззрение и самого Никона... В это дело Никон вложил весь свой бурный темперамент и свою неумеренную власть. Он делал все с богатырским напором и увлечением»⁶. Эта деятельность Никона привлекла к нему внимание царя, «любовавшегося своим любимцем», ставшим по его инициативе высшим иерархом Русской православной церкви.

«Можно было бы подивиться духовной силе Никона, – замечал Ключевский, – сумевшего среди этой взбалмошной разносторонними веяниями церковной мути выработать и донести до патриаршего престола ясную

¹ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. II. С. 306–310.

² Монархи Европы. С. 405.

³ Карташев А.В. Указ. соч. Т. II. С. 135.

⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 280.

⁵ Карташев А.В. Указ. соч. Т. II. С. 133.

⁶ Карташев А.В. Указ. соч. С. 122, 123, 141.

мысль о церкви вселенской и об отношении к ней поместной церкви русской, если бы он внес в эту мысль более серьезного содержания... По своей привычке всякую идею, всякое чувство его захватывавшее, разрабатывать при содействии воображения, он забывал свою нижегородскую мордовскую родину и хотел заставить себя стать греком»¹. Будучи человеком в высшей степени амбициозным и властолюбивым, Никон хотел стать не просто московским и всероссийским патриархом, а еще и одним из вселенских православных иерархов, стремился утвердить в России приоритет церковной власти над светской, что явилось причиной его разлада с царем и рядом его приближенных, в том числе и с таким своим единомышленником, как Ф.М. Ртищев, который, как сказано в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, советовал патриарху «не вмешиваться в мирские дела»². «Никон бросил вызов всему прошлому русской церкви, как и окружающей русской действительности»³.

Максимализм Никона привел русскую православную церковь к расколу. «Общество, – справедливо говорил В.О. Ключевский, – и без того уже было настроено тревожно и подозрительно вследствие наплыва иноземцев, а к этому прибавлялось еще раздраженное чувство национального достоинства, оскорбляемое своею же православной братией... Таким образом, русская иерархия XVII в. предала полностью осуждению русскую церковную старину, которая для значительной части тогдашнего русского общества имела вселенское значение»⁴.

Люди, оппозиционно настроенные к церковным преобразованиям, были убеждены в том, что церковные новшества – дело «тайной латинской пропаганды», что Никон и его греческие и киевские соратники суть «орудие папы», еще раз задумавшего «олатынить русский православный народ»⁵. Главный противник Никона протопоп Аввакум, один из первых и «самый жаркий борец за раскол», был самым верным истолкователем основной точки зрения и побуждений Никона. Аввакум видел «источник церковной беды, постигшей Русь, в новых западных обычаях и в новых книгах: Ох бедная Русь! – восклицает он в одном сочинении, – что это тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?»⁶.

Конфликт между тогдашними духовными вождями России завершился трагически. Наиболее авторитетный деятель старообрядчества протопоп Аввакум после многолетнего заключения в земляной тюрьме был сожжен в 1682 г.⁷ Никон же отказался от патриаршего сана, подвергался гонениям и скончался в 1681 г. Но были у Никона и идейные друзья – «поклонники просвещения» и «умеренные западники» того времени – Артамон Матвеев, А.Л. Ордин-Нащокин и Ф.М. Ртищев⁸.

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. Grebenyuk V.P. (1997). Ikona Vladimirskoi Bogomateri i duchovnoe nasledie Moskvy. Moskva.
2. Гребенюк В.П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII–начало XVIII в.). М., 1971. Grebenyuk V.P. (1971). «Povest' o Temir-Aksake» i ee literaturnaya sud'ba v XVI–XVII vekakh. In: Russkaya literatura na rubezhe dvukh epokh (XVII–nachalo XVIII v.). Moskva.
3. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoi tserkvi. M. 1991.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Klyuchevskii V.O. (1988). Kurs russkoi istorii. Moskva.
5. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Lomonosov M.V. (1952). Poln. sobr. soch. Moskva; Leningrad.
6. Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996. Monarkhi Evropy. Sud'by dinastii. Moskva, 1996.
7. Скрытников В. Третий Рим. М., 1994. Skrytnikov V. (1994). Tretii Rim. Moskva.
8. Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. СПб., 1994. Tvorogov O.V. (1994). Drevnyaya Rus'. Sobytiya i lyudi. Sankt-Peterburg.
9. Успенский Б.Л. Восприятие истории в древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Русское подвижничество. М., 1996. Uspenskii B.L. (1996). Vospriyatie istorii v drevnei Rusi i doktrina «Moskva – Tretii Rim». In: Russkoe podvizhnichestvo. Moskva.
10. Чельшев Е.П. «Ртищевское братство» в Андреевском монастыре // Чельшев Е.П. Избранные труды: В 3 т. / Е.П. Чельшев; Отд-ние лит. и яз. РАН. М., 2001. Chelyshev E.P. (2001). «Rtishchevskoe bratstvo» v Andreevskom monastyre. In: Chelyshev E.P. Izbrannye trudy: V 3 t. Otd-nie lit. i yaz. RAN. Moskva.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. СПб., 1899. Т. XXVII. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza F.A. i Efrona I.A. Sankt-Peterburg., 1899. T. XXVII.

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 284, 285.

² Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. СПб., 1899. Т. XXVII. Стлб. 173–174

³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 286.

⁴ Там же. С. 291–292.

⁵ Там же. С. 292.

⁶ Там же. С. 293.

⁷ Творогов О.В. Указ. соч. С. 167.

⁸ Карташев А.В. Указ. соч. Т. II. С. 143–144.